

Александр Бернер

Нулевой ранг

Том 1

16+

Александр Бернер
Нулевой ранг. Том 1

«Автор»

2026

Бернер А.

Нулевой ранг. Том 1 / А. Бернер — «Автор», 2026

Сергей Лапин засыпает в кабине самосвала и просыпается в чужом теле на каменной стоянке. Рядом такие же притащенные. На запястье у каждого пустая метка. Правило одно: за тридцать дней метка должна взять первый ранг. Кого не подняли, тех уводят за столбы и обратно не приводят. Лапин не боец. Он водитель и умеет заканчивать смену, когда остальные бросают груз. На стоянке за еду дерутся, сбиваются в шайки и ищут короткий путь к рангу. Его путь короче не становится. Он берёт работу, которую не берут, и доводит её до учёта. Первая книга серии «Нулевой ранг». Том про то, как пустая метка становится первой.

© Бернер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кабина	6
Глава 2. Пустая метка	8
Глава 3. Чужое тело	10
Глава 4. Первая смена	12
Глава 5. Паёк	14
Глава 6. Шайка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Бернер

Нулевой ранг. Том 1

Это художественный вымысел. Совпадения имён и событий с реальными людьми случайны. Возрастное ограничение: 16+.

Глава 1. Кабина

Сергей Лапин доехал до отвала в начале второго. Фары выхватили серый склон, мокрую колею и пустую будку весовщика. Сменщик должен был стоять у шлагбаума с термосом. Шлагбаум был поднят, будка тёмная, термоса не было.

Лапин поставил самосвал на ручник и не стал глушить мотор. Карьер ночью гудел ровно, если всё шло как надо. Сегодня гула не было. Только его машина и ветер по кузову.

Он открыл дверцу, спустился и пошёл к будке. Внутри пахло холодным железом и старым чаем. На столе лежала сменная ведомость. Последняя строка была его, утренняя, ещё не закрытая. Чужой почерк обрывался на половине графы: «не выход».

Лапин постучал по рации.

— Диспетчерская, триста седьмой на отвале. Сменщика нет. Приём.

Рация ответила треском и женским голосом, сонным и злым.

— Триста седьмой, стой на месте. Сменщика ищем. Не глуши, ночью угол стынет.

— Понял.

Он вернулся в кабину. Сиденье помнило его спину лучше, чем дом. Лапин положил руки на руль и стал смотреть, как дворники размазывают мелкую морось. Сорок один год. Двадцать из них он провёл так: ночь, отвал, чужая смена, которая где-то пьёт.

В бардачке лежала пачка галет и фонарь. Галеты он съел ещё вчера. Фонарь включил и выключил. Свет был жёлтый, слабый. Лапин убрал его обратно.

Рация молчала десять минут, потом двадцать. Мотор работал ровно. Тепло из печки било в колени. Лапин моргнул дольше, чем надо, и поймал себя на том, что считает не время, а обороты. Так он держался на длинных рейсах: не думать про конец, думать про следующий подъём.

Он опустил стекло на ладонь. В кабину вошёл сырой воздух. Лапин вдохнул и сказал вслух, чтобы не заснуть:

— Ещё час. Потом сам уеду на весы.

Голос прозвучал чужим. Он потёр лицо. Щетина кололась. На правом запястье белела старая полоска от ремешка часов. Часы он снял утром, потому что застёжка стала жать.

Веки потяжелели на третьем круге дворников.

Лапин выпрямился, открыл глаза шире и увидел, что склон уже не серый. Он был чёрный, без колеи, без будки. Фары светили в пустоту, и в этой пустоте не было карьера.

— Диспетчерская, — сказал он.

Рация не трещала. Печка не дула. Мотор молчал, хотя ключ торчал в замке, и Лапин точно помнил, что не глушил.

Он нажал на сигнал. Звука не было.

Лапин толкнул дверцу. Она открылась легко, без своего обычного лязга. Под ногой оказался камень, не подножка. Холодный, мокрый, с острым ребром. Лапин шагнул и провалился ниже, чем ждал. Кузова рядом не было. Не было и кабины, когда он обернулся. За спиной стояла темнота и ещё камни.

Он был босой.

Это он понял вторым. Первым он понял, что плечо горит. Левое, под ключицей, как будто по нему провели раскалённой проволокой. Лапин схватился за это место и нащупал не свою куртку, а тонкую мокрую ткань, уже порванную. Под тканью кожа была липкая.

— Эй, — сказал он. — Есть кто.

Ему ответили стоном. Не один. Слева, справа, дальше, где камни складывались в низкую гряду. Люди лежали и сидели так, будто их высыпали с борта, не глядя куда.

Лапин сделал шаг и чуть не упал. Ноги были длиннее, чем он помнил. Колено дёрнулось не в ту сторону. Он посмотрел на свои руки. Руки были чужие: узкие, без мозоли от руля, без жёлтого пятна на среднем пальце от дешёвой смазки. На правом запястье не было полоски от часов. Там была голая кожа и на ней круглая вмятина, пустая, как печать, которую забыли закрасить.

Плечо снова дёрнуло. Лапин сел, потому что стоять в этом теле было всё равно что сесть в чужую кабину с перепутанными педалями.

Рядом кто-то закашлялся и сказал хрипло:

— Не трогай. Кровь.

Голос женский. Лапин повернул голову. Женщина сидела на корточках в двух шагах, держалась за своё запястье и смотрела не на него, а на его плечо.

— Ты кто? — спросил он.

— Пока никто, — сказала она. — Ты тоже. Не маши рукой, а то рана откроется шире.

Лапин послушался. Не из доверия. Из привычки слушать того, кто видит поломку лучше водителя.

Ветер здесь был другой. Не карьерный, не с отвала. Он пах мокрым камнем и чем-то сладким, как варёная кость. Неба Лапин не видел. Над грядой стояло низкое серое свечение, без луны и без звёзд.

Слева вскрикнули. Кто-то побежал и сразу упал. Камни ответили стуком.

Лапин сжал зубы и посчитал до десяти, как считал, когда самосвал начинал заносить на мокрой глине. На десяти стало не легче, но паника села на место. Он был не в кабине. Тело было не его. Плечо текло. Рядом лежали люди, и никто не включал фары.

— Как тебя зовут? — спросил он женщину.

— Клава, — сказала она после паузы, будто проверяла, отзовется ли имя. — Ремез. А ты не ори. Тут и без тебя орут.

— Сергей Лапин.

Имя прозвучало правильно. Всё остальное нет.

Клава кивнула на его запястье.

— У всех такое. Пустое. Не три, не поможет.

Лапин и не тёр. Он смотрел на вмятину и думал, что печать без букв хуже любой раны. Рану хотя бы видно, откуда взялась.

Где-то впереди, за грядой, ударили в железо. Один раз, сухо. Стоны на камнях притихли, как притихает двор, когда на вахту выходит не тот человек.

Лапин поднялся со второй попытки. Чужие колени держали. Плечо жгло, но нога уже понимала, куда ставить вес. Он посмотрел туда, откуда пришёл звук, и сказал Клаве:

— Сиди. Я гляну, кто бьёт.

— Сядь сам, — ответила она. — Ты сейчас упадёшь и порвёшь плечо до кости. Глядеть будем вместе, когда рассветёт. Если это рассвет.

Железо ударило ещё раз. Ближе.

Лапин остался стоять. Не потому что был храбрым. Потому что в чужой темноте сидеть было то же самое, что заснуть за рулём. Он уже один раз это сделал. Второй раз он себе не обещал.

Глава 2. Пустая метка

Рассвет здесь не всходил. Он включился, как плохой плафон в кабине: сразу, ровно, без тепла. Серое свечение стало светлее, и Лапин увидел стоянку целиком.

Камни лежали не россыпью. Их поставили кругом, высокие, в рост человека и выше. Между ними была утоптанная земля, чёрная от золы. Внутри круга стояли навесы из шкур и кривых досок. Посередине дымил котёл. Возле котла был стол, а за столом сидел человек и бил в железную пластину палкой, не торопясь, пока люди не начали подниматься.

Их было много. Лапин насчитал до сорока и сбился. Мужчины и женщины, все молодые с виду, все в чужой одежде не по размеру. Кто-то плакал. Кто-то уже дрался за место под навесом. Кто-то сидел и смотрел на свои руки так же, как Лапин ночью.

Клава встала рядом. Она была невысокая, с тёмными волосами, собранными в узел обломком щепки. На щеке засохшая грязь. Руки спокойные.

— Не лезь в первые ряды, — сказала она. — Кто орёт у стола, того запоминают не для добра.

— Ты тут уже была?

— Второй раз открываю глаза на этих камнях. Первый раз думала, больница. Потом увидела метку.

Они подошли не вплотную. Между ними и столом стояли трое, и один из троих уже кричал, что он адвокат и что это похищение. Слово «адвокат» здесь прозвучало смешно и жалко. Человек за столом не поднял головы.

Это был худой мужчина в сером плаще до колен. Волосы стрижены коротко, лицо без выражения, какое бывает у людей, которые весь день ставят галочки. Перед ним лежала доска с белыми камешками вместо букв. Он двигал камешки и наконец ударил в пластину последний раз.

— Слушать, — сказал он. Голос был тихий и всё равно перекрыл круг. — Меня зовут Реестр. Не имя. Должность. Повторять её не надо.

Адвокат открыл рот. Реестр посмотрел на него, и адвокат закрыл рот сам.

— Вы на стоянке «Камни», — продолжил Реестр. — Вас притащили. Откуда и зачем, мне не докладывают. Мне докладывают срок. Срок тридцать дней. Счёт начался с этого света. Сегодня день первый.

Он поднял левую руку. На запястье у него была не вмятина, а чёрная полоса, плотная, как вьевшаяся сажа.

— У вас пустая метка. За тридцать дней она должна взять первый ранг. Ранг ставит не драка и не крик. Ранг ставит учётная работа. Учёт ставлю я. Без моей отметки вы можете таскать камень до крови. Метка останется пустой.

По кругу прошёл короткий шум. Кто-то засмеялся нервно. Кто-то спросил, какой камень. Реестр дождался тишины так, как ожидают, когда заглухнет лишний мотор.

— Работа будет названа утром. Еда один раз в день, после учёта. Кто не работает, тот не ест. Кто работает без учёта, тот тоже не ест. Вопросы, на которые я не отвечаю: как вернуться, кто вы раньше были, почему тело не ваше. Эти вопросы срок не удлиняют.

Адвокат всё-таки не выдержал.

— Вы не имеете права.

Реестр кивнул на высокие камни по краю круга.

— За столбы уводят тех, кого не подняли к тридцатому дню. Обратно с той стороны на стоянку не приводят. Если слово «право» помогает вам таскать камень, пользуйтесь им молча.

Он опустил палку.

— Сейчас подходите по одному. Называете имя, каким будете здесь отзываться. Я кладу камешек. Это ещё не ранг. Это чтобы я не кормил одного человека дважды.

Очередь выстроилась криво. Лапин встал в хвост и смотрел, как люди подходят. Кто-то называл имя уверенно. Кто-то молчал, и Реестр ставил камешек со словом «немой» и номером. Адвокат назвался громко, с фамилией из трёх частей. Реестр записал два слога и махнул дальше.

Клава прошла перед Лапиным.

— Клава Ремез.

Камешек лёг в рядок. Реестр даже не глянул ей в лицо.

Лапин шагнул к столу. Вблизи Реестр пах сухой бумагой, хотя бумаги на столе не было.

— Сергей Лапин.

— Кем был?

— Водитель.

Реестр впервые поднял глаза. Взгляд был пустой, рабочий.

— Здесь водитель без хода не считается. Иди. Плечо зашей до полудня, а то к учёту не доживёшь, и камешек я сниму.

Лапин отошёл и сразу посмотрел на запястье. Вмятина не изменилась. Ни тепла, ни цвета. Пустая печать на чужой коже.

Клава ждала у навеса.

— Тридцать, — сказала она. — Я вчера тоже слышала. Думала, врут, чтобы не бежали.

— А бегут?

— Двое ночью побежали к столбам. До столбов не дошли. Их вернули за ноги. Смотри.

Она показала на дальний край круга. Там лежали два тела лицом вниз. Никто к ним не подходил. У одного пятка была стёрта до мяса, будто он бежал босиком по режущему.

Лапин почувствовал, как чужое молодое сердце бьёт слишком быстро. Он положил ладонь на грудь и заставил себя дышать на четыре счёта, как на подъёме с перегрузом.

— День первый, — сказал он. — Значит, впереди двадцать девять смен. Смену я доводить умею.

Клава посмотрела на него без улыбки.

— Тут смена кончается не гудком. Тут она кончается, когда Реестр скажет, что ты существуешь. До этого ты груз.

У котла уже толкались. Реестр не раздавал еду. Он пересчитывал камешки и иногда вычёркивал один ногтем. Вычеркнутый человек у котла получал пустую миску и стоял с ней, пока остальные отводили глаза.

Лапин не пошёл к котлу. Есть было нечего и без очереди, а плечо опять намокло. Он сел на камень так, чтобы видеть и стол, и столбы. Столбы были выше людских камней, гладкие, с тёмными прожилками. За ними свет кончался раньше, чем должен был кончаться день.

— Не смотри туда долго, — сказала Клава. — От этого метка быстрее не закроется.

— Я не на метку смотрю, — ответил Лапин. — Я смотрю, куда не надо ехать на первой передаче.

Он не знал, есть ли здесь передачи. Он знал другое: кто в первый день орёт про права, тот к десятому дню либо молчит, либо лежит у столбов. Адвокат как раз орал у котла, что миска обязана быть полной. Ему плеснули мутную воду и пошли дальше.

Лапин запомнил лицо Реестра. Не злое. Усталое, как у человека, который уже видел тысячу первых дней и не собирался утешать тысячу первую.

Глава 3. Чужое тело

Клава увела его под крайний навес, где было меньше людей и больше вони. Здесь сушили тряпье на верёвке и лежали те, кто не мог стоять. Пахло кровью, мочой и мокрой шерстью.

— Садись к свету, — сказала она. — И не геройствуй. Будет больно.

Лапин сел на перевернутое корыто. Клава разорвала его рубаху у плеча. Рана оказалась не проволокой, как он думал ночью, а резаной полосой длиной в ладонь. Края разошлись. Кровь уже не текла сильно, но при движении выступала снова.

— Чьё тело, не знаешь? — спросила Клава, продевая в иголку нитку, вытянутую из собственной рубахи. Иголлка была рыбаья кость, кривая.

— Нет. Руки не мои. Ноги длиннее. Спина молодая. Мне на Земле сорок один. Тут я выгляжу как пацан после армии, если армия была ногами.

— Мне было тридцать шесть. Медсестра на скорой. Тут лицо чужое, а руки помнят узел. Это уже много. Некоторые просыпаются и не помнят, как глотать.

Она начала шить. Лапин смотрел в сторону столбов и считал стежки, чтобы не считать боль. На восьмом стежке перед навесом остановился парень лет двадцати на вид, широкий в плечах, с разбитой губой.

— Больно ему делаешь или помогаешь? — спросил он.

— И то и другое, — сказала Клава, не поднимая глаз. — Отойди, свет загораживаешь. Парень не отошёл.

— Я Паша. Гвоздь, если коротко. Слышал правила. Кто сильный, тот быстрее закроет метку. Я сильный. Мне нужны люди, которые не падают на первом шаге.

— Люди тебе нужны или носильщики? — спросил Лапин.

Паша усмехнулся. Усмешка была живая, почти добрая, и от этого хуже.

— Носильщики тоже люди. Реестр сказал: работа. Камень сам к столбам не дойдёт. Я уже видел, где его ломают. За западным навесом яма. Туда пускают после полудня. Кто принесёт три камня, тому, говорят, ставят риску.

— Говорит не Реестр, — сказала Клава. — Реестр ещё никому сегодня риску не ставил. Не таскай чужие слухи, Паша. Ими тут кормят вместо хлеба.

Паша пожал плечами и всё-таки шагнул из света.

— Ладно. Я вас запомнил. Если к вечеру будете живы, подходите. В одиночку тут дохнут быстрее.

Он ушёл к яме, насвистывая сквозь разбитую губу. Свист получился кривой.

Клава затянула последний узел и обрезала нитку зубами.

— Не ходи с ним в первый день, — сказала она. — Он бежит. Бегущих я уже видела. У столбов.

Лапин пошевелил плечом. Шов держал. Боль стала тупой, рабочей. Такое он понимал. С тупой болью можно довести смену, если не дёргать рычаг лишний раз.

— Тело чужое, — сказал он. — А голод мой. И счёт мой. Если яма после полудня, я пойду не с Пашей. Я пойду, когда скажут, сколько камней считается за учёт. Не три, потому что кто-то свистнул.

Клава вытерла руки о тряпку.

— Тогда слушай, что я успела собрать, пока ты смотрел на Реестра. На стоянке уже есть те, кто проснулся не сегодня. Их мало, человек восемь. Они не в общей очереди. Живут у дальнего навеса, где шкуры толще. Старшего зовут Бурый. Он не Реестр. Он берёт пайку у тех, кто боится идти к яме, и обещает «быстрый ранг». Быстрого ранга я ещё не видела. Видела пустые миски.

— Восемь человек за сколько дней?

— Разные. Одному осталось четыре дня до срока. Метка у него всё ещё почти пустая. Он уже не орёт. Он смотрит на столбы и считает еду.

Лапин помолчал. Чужая молодая грудь дышала слишком легко. Ему не хватало веса собственного живота, привычной одышки, боли в пояснице. Без них он чувствовал себя разутым на морозе: вроде свободно, а каждый шаг неправильный.

Он встал и прошёлся под навесом туда и обратно. Десять шагов. Потом ещё десять, короче, как будто нёс невидимый груз на плече. Колено перестало дёргаться. Шов тянул, но не рвался.

— Ещё раз, — сказал он. — Имя, срок, что не делать.

Клава загнула палец.

— Клава Ремез. День первый из тридцати. Не бежать к столбам. Не отдавать пайку Бурому, когда она появится. Не верить, что драка закрывает метку. И не порвать шов до ямы.

— Сергей Лапин. То же самое. Добавь: не заснуть сидя. Один раз уже вышло боком.

Она почти улыбнулась и тут же стёрла это лицо.

Снаружи закричали иначе, не от страха. Коротко, по-рабочему. Лапин вышел из-под навеса. У ямы стоял Реестр с палкой и доской. Рядом двое из тех, что ночевали здесь раньше: один действительно бурый лицом, широченный, второй худой и злой. Они смотрели, как новенькие лезут в яму без порядка, хватают камни больше себя и роняют на чужие ноги.

Реестр не останавливал драку за камень. Он ждал, пока она кончится сама.

Лапин остался на краю. Плечо тянуло. Он смотрел не на самый большой обломок, а на те, что можно донести одному до столбов без второго падения. В карьере так выбирали не героя смены, а машину, которая вернётся. Герой, который не вернулся, в ведомости был пустой строкой.

Паша уже тащил глыбу и орал, чтобы дали дорогу. Дорогу ему не дали. Глыба качнулась, Паша поехал вместе с ней и выругался так, будто от этого камень становился легче.

Лапин спустился в яму медленно, боком, щадя шов. Под ногой скрипнула щебёнка. Он выбрал камень по колено, серый, с плоским боком, чтобы прижать к животу, а не взвалить на больное плечо.

— Маленький берёшь, — бросил кто-то сверху. — Таким ранг не купишь.

— Им хотя бы дойду, — сказал Лапин.

Он поднял камень и почувствовал, как чужая спина принимает вес лучше, чем его старая. Это было нечестно и полезно. Лапин не стал этому радоваться. Радость на первой ходке кончается тем, что человек прибавляет груз и ломается на полпути.

Он пошёл к столбам. Не бегом.

Глава 4. Первая смена

До столбов было шагов двести, если шагать широко. Лапин шагал короче и насчитал двести сорок. Земля между ямой и краем круга была убита ногами в кашу. Два человека уже лежали в этой каше. Один держался за стопу и выл. Второй молчал, придавленный собственным камнем.

Лапин обошёл обоих. Его камень давил в живот и в здоровое плечо. Шов на левом горел, но не лопался, пока он не поднимал локоть выше ключицы. Он дышал на четыре шага: вдох, два шага, выдох, два шага. Так он когда-то учил молодого напарника не паниковать на серпантине. Напарник всё равно паниковал. Привычка осталась.

Паша обогнал его на полпути. Глыба на спине Паши качалась, и каждый шаг Паши был слишком длинный.

— Давай вместе! — крикнул он. — Вдвоём быстрее закроем!

— Твой камень, твоя хода, — ответил Лапин. — Я чужой вес не подписываю.

Паша плюнул и прибавил. Через двадцать шагов глыба ушла у него в сторону. Он успел отскочить. Глыба легла в грязь. Паша остался стоять над ней, красный, и потом всё-таки ухватил край и поволок волоком. Волок быстрее, чем нёс. И злее.

У столбов людей встречал не Реестр. Реестр стоял дальше, у ровной площадки, и смотрел, дошёл ли камень целиком. Двое подручных Бурого принимали груз и тут же орали, что мало, криво, не тот размер. Одного новенького они развернули обратно с тем же камнем. Новенький заплакал от злости и пошёл назад, уже шатаясь.

Лапин дошёл и опустил камень на площадку, не бросил. Клава говорила: учёт любит целый груз. Брошенный камень раскалывался, и подручные смеялись.

Бурый стоял тут же. Вблизи он был не старый, просто обветренный, с шеей толще головы. Метка на его запястье была не пустая. В ней лежала короткая серая черта, как недописанная буква.

— Мелкий, — сказал Бурый, глядя на камень Лапина. — Таких мне на дорогу не кладут.

— Его кладёт не ты, — сказал Лапин. — Где учёт?

Бурый улыбнулся без зубов спереди. Зубы, видно, кончились раньше ранга.

— Учёт там. Если дойдёшь ещё два раза. Три камня, водитель. Слышал уже.

— Слышал не от Реестра.

Лапин пошёл к Реестру. Ноги дрожали, но дрожали честно, от веса, не от страха. Реестр посмотрел на площадку, на целый камень, потом на Лапина.

— Один, — сказал он. — Целый. Плечо не вскрыл. Это ещё не смена.

— Сколько считается?

— Пока я не скажу «достаточно», считается всё, что донесено без обмана. Обман здесь простой. Чужой камень. Расколотый в пыль. Камень, который тебе донесли другие, а ты пришёл с пустыми руками и открытым ртом. Иди за вторым. До темноты успеешь три, если не начнёшь бегать.

Лапин кивнул и пошёл обратно к яме. Навстречу тащили кто как мог. Один нёс камень на голове и уже кровь пускал из носа. Лапин хотел сказать ему опустить ниже и не сказал. Чужой совет на чужой стоянке стоил драки, а драка, по словам Реестра, в метку не шла.

Второй камень он выбрал ещё меньше. Стыдно не было. Стыд не довозил до весов. На обратном пути он увидел Клаву. Она несла не камень, а человека: тощего парня, которому придавило ногу. Клава шла короткими шагами, парень висел на ней и всё норовил упасть в грязь целиком.

— Тебе за это риск не поставят, — сказал Лапин, поравнявшись.

— Знаю, — ответила она. — Ему ногу отрезать нечем, значит, надо донести до навеса, пока он её ещё чувствует. Иди. Сам твой камень до учёта не дойдёт.

Он донёс второй. Потом третий. К третьему свет уже стал плоским и серым. Заката здесь не было. Руки чужого тела покрылись новыми ссадинами поверх старых. Шов держался на честном слове и на том, что Лапин ни разу не взял вес на левую сторону.

У площадки собралась толпа. Паша приволок свою глыбу волоком и теперь стоял, ожидая похвалы. Похвалы не было. Реестр обошёл площадку, тронул несколько камней носком сапога и остановился перед Лапиным.

— Три целых. Без чужой спины. Имя.

— Сергей Лапин.

Реестр взял его запястье без просьбы. Пальцы у учёчика были холодные и точные. Он надавил большим пальцем в пустую вмятину. Лапин дёрнулся от тепла. Не ожога. Так теплеет металл, когда по нему только провели ладонью.

На коже проступила короткая светлая риска. Тонкая, как царапина от ногтя. Она не исчезла, когда Реестр отпустил руку.

— Первая, — сказал Реестр. — Не ранг. Не половина. Не повод орать у котла, что ты уже человек. Еда тебе сегодня есть.

Он пошёл дальше. Паше он риску не поставил. Глыба Паши была треснута пополам, и подручные Бурого уже растаскивали половины как два разных камня себе в зачёт, пока Паша орал, что это его пот.

Лапин смотрел на риску и не улыбался. Одна царапина за день, если Реестру нужны десятки таких, тридцать дней могли не хватить. Он это понял сразу, без арифметики на доске. Водитель умеет видеть, когда бак не дотянет до заправки.

У котла ему дали миску серой каши и кусок лепёшки жёстче камня. Клава получила половину миски. Реестр посмотрел на тощего парня с ногой и качнул головой. Парню не налили. Клава отлила ему три глотка из своей половины. Парень выпил и закрыл глаза. Пока живой.

Паша сел напротив Лапина с пустыми руками.

— Тебе поставили, потому что ты мелкий таскал, — сказал он. — Это не сила. Это хитрость.

— Это доезд, — сказал Лапин. — Твоя глыба не доехала целиком. Завтра возьми такую, какую донесёшь. Или останешься с пустой миской и громким голосом.

Паша хотел ответить и не ответил. Он смотрел на риску Лапина так, будто хотел соскреести её себе. Бурый из своего навеса тоже смотрел. Не на Пашу. На запястье.

Лапин доел кашу медленно, до последней крошки, и спрятал половину лепёшки за пазуху. Не от жадности. От памяти о ночных рейсах, где вторая еда бывает только та, которую ты не съел в первой.

Небо опять погасло без заката. На запястье риска светилась слабо, как приборка в кабине, когда фары уже выключены, а ты ещё сидишь и слушаешь, остывает ли мотор.

День первый кончился. До столбов, за которые уводили, оставалось двадцать девять таких дней. Лапин не стал говорить это вслух. Вслух на стоянке оставалось только то, что можно донести.

Глава 5. Паёк

К пятому дню Лапин знал стоянку так, как знают карьер после месяца ночных: где грязь берёт по щиколотку, где камень сыплется из-под ноги, где Реестр ставит риску, а где только смотрит. Риск у него было четыре. Четыре целых ходки, четыре раза холодные пальцы учётчика, четыре полоски на запястье. Они не сливались. Лежали рядом, как отметки в путевом листе.

Клава риск не имела. Она таскала раненых, кипятила воду в жестянке и резала гниль с чужих стоп щепкой. Реестр на это смотрел и не трогал её метку. На пятый день у котла ей снова дали половину. Лапин отломил от своей лепёшки край и положил ей в миску, не глядя, чтобы это не стало разговором.

— Себе оставь, — сказала она.

— Я доехал. Ты нет. Ешь.

Паша к пятому дню ходил уже не один. Бурый взял его под дальний навес, и Паша носил на шее обрывок ремня, как знак. Метка Паши по-прежнему была пустая. Зато миска у него стала полная, полнее лапинской. Лапин видел, откуда полнота: утром у котла две женщины получили пусто, хотя камни их лежали на площадке. Женщины смотрели в землю. Паша смотрел в свою миску и ел быстро, чтобы не встречаться с ними глазами.

После еды Бурый вышел к общему навесу сам. Обычно он посылал худого. Сегодня пришёл ногами, и круг притих.

— Слушайте, кто ещё нули, — сказал Бурый. Голос у него был сытый. — Реестр кормит по капле. Я кормлю иначе. Отдаёте вечернюю пайку мне три дня. Мои люди ставят ваши камни в учёт пачкой. Метка растёт быстрее, чем у тех, кто таскает сам. Кто не хочет за столбы, тот не торгуется.

Он обвёл глазами навес и остановился на Лапине.

— Водитель. Четыре риски. Медленно едешь. На твоём месте я бы уже покупал скорость.

— На моём месте ты бы довозил свои камни, — сказал Лапин. — А не собирал чужие миски.

Худой за Бурым шагнул вперёд. Бурый остановил его двумя пальцами, не оборачиваясь.

— Гордость на стоянке гниёт к десятому дню. Я предлагаю не дружбу. Я предлагаю не лечь у столбов. Паша уже понял. Правда, Паша?

Паша прожевал и кивнул слишком скоро.

— Там правда быстрее, — сказал он Лапину. — Они знают, какой камень Реестр любит. Тебе никто не скажет. Ты будешь таскать мелочь, пока срок кончится.

Клава поставила миску на колено.

— Паша, тебе за пять дней не поставили ни одной риски. Быстрее чего?

Паша покраснел. Бурый засмеялся коротко, будто кашлянул.

— Ему поставят пачкой. Учёт любит порядок. Порядок делаю я. Реестр один. Он не видит каждый камень. Он видит ряд. Ряд собираю я.

Это было почти признание в краже, и никто у котла не поднялся. Голод делает людей глухими к словам, которые нельзя съесть.

Лапин встал. Шов на плече уже стянулся в бурую корку. Чужое тело слушалось лучше, чем в первый день, и он этому не доверял. Лёгкое тело просит лишнего веса.

— Пайку не отдам, — сказал он. — Ни сегодня, ни три дня. Если твои люди тронут мои камни на площадке, я донесу это Реестру не криком. Я донесу камень обратно и положу ему под сапог, чтобы он видел, чей ряд развалился.

Бурый перестал улыбаться.

— Ты думаешь, учётчик за тебя вступится.

— Я думаю, учётчик не любит, когда ему врут в ряду. Это разные вещи.

Они постояли. Худой смотрел Лапину в горло. Паша смотрел в миску. Клава не вставала, но Лапин видел, что щепка, которой она чистила раны, уже у неё в кулаке.

Бурый плюнул под ноги, не на человека.

— Ешь свой голод, водитель. Когда риски кончатся, сам придёшь. Они всегда приходят. Особенно те, кто в первый день умный.

Он ушёл к дальнему навесу. Паша помялся и ушёл следом. Лепёшку, которую не доел, он унёс с собой, хотя раньше крошки подбирал с земли.

Вечером Реестр поставил Лапину пятую риску за ходку, которую тот сделал один, пока остальные слушали Бурого. Реестр ничего не сказал про пайки. Он вообще мало говорил после первого утра. Но когда Лапин уже отходил, учётчик бросил вслед:

— Ряд, который собирает не работа, я разваливаю. Запомни это лучше, чем его угрозу.

Лапин запомнил. Пять рисков грели запястье слабо, каждая по отдельности. До ранга было далеко, как до города на последнем делении бака. Он лёг у края навеса, положил лепёшку под голову вместо подушки и не заснул, пока не услышал, что у дальнего навеса перестали смеяться.

Клава сидела у входа и считала людей по пальцам. Тех, кто ещё отвечал на своё имя.

— Сорок два было в первый день, — сказала она тихо. — Сейчас тридцать семь отвечают. Двое у столбов ещё вчера. Трое просто не отзываются. Может, спят. Может, уже нет.

— Завтра посчитаем по мискам, — сказал Лапин. — Сон обманет. Миска — нет.

Он закрыл глаза и увидел не карьер. Увидел ряд камней и в этом ряду чужие половины, выданные за целые. Утро надо было начинать раньше Бурого. Иначе ряд опять соберут без него.

Глава 6. Шайка

На шестой день Паша не вышел к яме. Лапин искал его глазами до полудня и нашёл у дальнего навеса: Паша сидел на корточках и точил об камень кривой нож, которого вчера ещё не было. Нож был короткий, из обломка железа, с обмоткой из тряпки. Паша точил его так старательно, будто ранг прятался в лезвии.

— Реестр сказал, драка не считается, — напомнил Лапин.

— Реестр не ночует с нами, — ответил Паша, не поднимая головы. — Ночью считается то, у кого нож. Бурый так сказал. И он пока живой, а умные с четырьмя рисками спят вполглаза.

— У меня пять.

— Тем более не спи.

Лапин не стал забирать нож. Забирать у человека последнее при других людях Бурого означало лечь здесь же. Он пошёл к яме и отработал две ходки до того, как подручные начали мешать на тропе. Мешали просто: вставали на узком месте и не отходили, пока несущий не ронял камень. Лапин ронять не стал. Он остановился, подержал вес и сказал худому:

— Либо сходи с тропы, либо понесёшь со мной. Второе Реестр увидит как чужую спину. Тебе эта слава нужна?

Худой сплюнул, но сошёл. За спиной худого кто-то засмеялся не в его пользу. Лапин донёс камень и получил шестую риску ближе к вечеру. Реестр поставил её молча. Шесть тонких линий уже мешали друг другу на коже. Запястье чесалось изнутри.

Ночь пришла сразу, как выключили плафон. Лапин лежал у общего навеса рядом с Клавой и тощим парнем, которому она спасала ногу. Парень дышал хрипло, но дышал. Клава наконец задремала сидя, щепка выпала из пальцев.

Они пришли вшестером. Без крика. Бурый остался в темноте за их спинами, Лапин узнал его по широкой тени. Паша был среди шести. Нож он держал неумело, слишком далеко от тела.

— Вставай, водитель, — сказал худой. — Пайку ты не отдал. Значит, отдашь риски. Бурый знает, как их снимают.

— Риски снимает Реестр, — сказал Лапин и уже был на ногах. Сон слетел, как слетает, когда на встречной полосе мигают не те фары.

Они не стали спорить. Первый ударил палкой по рёбрам. Лапин принял удар плечом, здоровым, и толкнул человека в другого. Дальше было тесно и глупо, без красоты. Его сбили с колен. Сапог попал в шов. Корка лопнула, плечо стало мокрым и горячим. Лапин поймал чей-то голеностоп и дёрнул. Кто-то упал на жестянку Клавы, и жестянка загремела на всю стоянку.

Клава проснулась сразу и ударила щепкой не в глаз, а в колено ближнему. Тот взвыл. Паша замахнулся ножом и замер, потому что в темноте не понял, где Лапин, а где свой.

— Паша, назад, — сказал Лапин снизу, из грязи. — Ты сейчас резанешь своего, и Бурый спишет это на тебя.

Паша отступил на шаг. Этого шага хватило, чтобы Лапин перекатился к столбу навеса и встать спиной к дереву. Двое ещё лезли. Он бил коротко, локтем и лбом, как бьют, когда в кузове сдвигают примерзший ком и нечем взять лопату. Не насмерть. Чтобы человек сел и перестал махать.

С края круга ударили в железо. Один раз. Реестр не пришёл. Пришёл звук его пластины, и этого хватило. Шайка отхлынула, как отхлывается толпа от весов, когда выходит начальник смены. Бурый не показал лица. Худой утаскивал хромого. Паша уходил последним и один раз обернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.